

СЕМЕЙНАЯ ИСТОРИЯ: ОТ ИСТОРИИ ДОМОХОЗЯЙСТВА
К ВОПРОСАМ ВНУТРИСЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ

И.Б. Орлов

В статье говорится о значении семьи в жизни общества вообще и российского общества в частности. Семья, рассматриваемая как определённый вид микромира, понимается как особое место, где перекрещиваются социальные, экономические, политические и демографические процессы. Автор подчёркивает, что семья сама по себе может быть проанализирована как определённый «процесс». Автором сделан вывод о том, что преодоление междисциплинарных и организационных различия между исследователями должно способствовать завершению формирования семейной науки как научной области.

Ключевые слова: семейная история, домохозяйство, жизненный путь, брак, семейные стратегии

«... А в духовном смысле родной дом был также мерзок и грязен, как в физическом. Психологически это была мусорная яма, кроличья нора, жарко нагретая взаимным трением спершихся в ней жизней, смердящая душевными переживаниями. Какая душная близость, какие опасные, дикие, смрадные взаимоотношения между членами семейной группы!»

(Олдос Хаксли О дивный новый мир)

Несмотря на эту и другие мрачные характеристики семейного быта, отражающие тенденцию к размыванию семейных ценностей, следует признать, что на протяжении столетий семья оставалась самым прочным звеном общества и наиболее эффективным средством трансляции культурной традиции. По образному выражению петербургского историка Б.Н. Миронова, семья «подобно хромосоме» выступает носителем социальной наследственности, которая «играет не меньшую роль, чем наследственность биологическая»¹.

Очевидно, что семейная история не только помогает преодолеть «разрыв времён» и ощутить жизнь предшествующих поколений, как часть собственного прошлого. Как некий социальный микрокосм семья, так или иначе, отражает изменения, происходящие в обществе, и, наоборот, трансформируется сама. Другими словами, изучение семьи позволяет проследить механизм её взаимодействия с обществом.

¹ Миронов Б.Н. Семья: нужно ли оглядываться в прошлое? // В человеческом измерении. М., 1989. С. 226.

Сложность сложившейся исследовательской практики состоит в том, что семья в силу своей универсальности и многоаспектности выступает объектом изучения многих наук: философии и истории, богословия и социологии, филологии и экономики, антропологии и этнографии², демографии и права, психологии и педагогики, медицины и др. При этом каждая научная дисциплина выделила собственный предмет исследования и, в ряде случаев, свою методологию. Если философы разрабатывали общие принципы и способы изучения семьи и самореализации человека в ней, то экономисты анализировали хозяйственную сторону жизни семьи, а для юристов на первый план вышли правовые основы семьи и брака. Для психологов семья предстала в качестве социально-психологической группы, тогда как в круг научных интересов медиков вошли проблемы здорового образа жизни. В то время как социальную педагогику интересовали, в первую очередь, воспитательные функции семьи, историки исследовали эволюцию семьи как социального института. Демографы и социологи, в свою очередь, анализировали трансформацию структуры семьи. В частности, историческая демография получила особое влияние в 1960-е гг. во Франции, благодаря деятельности Л. Генри, основавшего в 1966 г. Общество исторической демографии. Используя статистические методы анализа массовых источников, историческая демография снабдила исследователей инструментарием для измерения рождаемости, детской смертности и брачных образцов. В свою очередь, социология семьи сложилась как отрасль социологии, изучающая:

- развитие и функционирование семьи как социального института и малой группы;
- брачно-семейные отношения, образцы семейного поведения, характерные для того или иного типа культуры, той или иной социальной группы;
- семейные роли, формальные и неформальные нормы и санкции в сфере брачно-семейных отношений³.

При этом при анализе семьи как социального института обычно рассматриваются не конкретные семьи, а образцы семейного поведения, характерные роли и распределение власти в семье⁴. При анализе семьи как малой социальной группы основное внимание обращается на специфику формальных и неформальных связей в сфере брачно-семейных отношений, выяснению причин и мотивов, вследствие которых люди женятся, любят или ненавидят, стремятся иметь детей или не иметь их. То есть в социологическом разрезе семья исследуется, прежде всего, через её структуру и важнейшие функции – репродуктивную, формирования прочных устойчивых эмоционально насыщенных взаимодействий супружества, родительства и родства, первичного социального контроля, воспитательную, духовного общения, социально-статусную, досуговую, рекреативную, эмоциональную и сексуальную⁵.

² Характерный пример советских работ этнографического характера – книга М.Г. Рабиновича «Очерки этнографии русского феодального города» (М., 1978), в которой автор подробно осветил бытовавшие среди городского населения формы семьи. Сюда же можно отнести монографию Г.В. Жирновой «Брак и свадьба русских горожан в прошлом и настоящем» (М., 1980).

³ URL: http://slovari.yandex.ru/dict/gl_social/article/1401/1401_353.HTM?text

⁴ Истоки последнего подхода лежат в работах М. Фуко, исследовавшего отношения господства и подчинения в семье.

⁵ URL: <http://slovari.yandex.ru/dict/sociology/article/soc/soc-1125.htm?text>

Под влиянием психологии и культурной антропологии в 1970-е гг. расширяется интерес к ментальной истории, ценностным ориентациям и эмоциям, что стимулировало новый вид истории семейств, затрагивающий в значительной мере эмоциональные и социальные отношения.⁶ В свою очередь, историческая антропология, имеющая много общего с историей повседневности и историей ментальностей, проявила особый интерес к таким константам как рождение, смерть и родственные отношения. Возникшая в 1970-е гг. в Германии на стыке истории, этнографии и генеалогии повседневная история поставила в центр исследования истории рядовых, ничем не выдающихся семей. Задачи общебиографического контекста в рамках складывающейся психоистории востребовали реконструкцию, помимо основной, целой группы «смежных» биографий и изучения особенностей социальных связей и контактов индивидуума, прежде всего, его родных. В рамках итальянской микроистории сужение поля наблюдения до уровня семьи позволило увидеть общество под «микроскопом», придя через малое и частное к лучшему пониманию общих социальных связей и процессов. В частности, Д. Леви ввёл понятия «неуверенность» и «ограниченная рациональность» при исследовании стратегии крестьянских семей на рынке земли в XVIII столетии.

Всё вышесказанное свидетельствует, что изучение семьи имело не только полидисциплинарный, но и системный характер, что позволило уже в 1970-е гг. приступить к формированию системной науки о семье – фамилистики⁷. В последние годы, в связи с расширением поля междисциплинарных исследований, идея создания отдельной полидисциплинарной научной дисциплины снова возрождается.

Не секрет, что история семьи, тесно переплетённая с антропо- и социогенезом, до сих пор является одним из спорных научных вопросов. В современной науке нет единого представления о происхождении семьи, её эволюции, роли и месте, перспективах в обществе, специфике как малой социально-психологической группы. В силу чего нет и единого определения семьи. И это притом, что попытки осмыслить семью как один из важнейших социальных институтов общества имеют сложившуюся историографическую традицию. Работы, авторы которых рассматривали историческое развитие семьи, появились ещё в XIX в. Начало изучению истории семьи положил швейцарский историк права И.Я. Бахофен (1815–1887), в труде «Материнское право» (1861 г.) выдвинувший тезис об универсально-историческом развитии первобытного человечества от первоначального беспорядочного общения полов к материнскому, а затем отцовскому праву. Часть своих работ посвятил истории семьи австрийский историк и этнограф Ю. Липперт (1839–1909). Вопросы истории брака и семьи исследовал один из классиков эволюционистской («антропологической») школы английский археолог и этнограф Д. Леббок (1834–1913). Свои главные труды посвятил ранней истории брака и семьи шотландский этнограф и историк Д.Ф. Мак-Леннан (1827–1881).

В отечественной историографии изучение русской (прежде всего, крестьянской) семьи также началось со второй половины XIX в., и было связано с подготовкой и проведением крестьянской реформы. Актуализировалась, прежде всего, проблематика распада большой патриархальной семьи и вопросы семейного пра-

⁶ См.: Павлов А.А. Римская античная familia в свете «новой социальной истории»: новые подходы современной западной историографии (обзор) // Гендерная теория и историческое знание: Материалы семинаров. Сыктывкар, 2004. С. 150–199.

⁷ URL: http://bestdisser.com/see/dis_187703.html

ва. Городская же семья впервые стала объектом серьёзного исследования только в годы Первой мировой войны в работе П.А. Сорокина «Кризис современной семьи»⁸.

Что касается марксистской историографии начала XX столетия, основные ориентиры в области изучения института семьи были заданы ленинской работой «Развитие капитализма в России». Именно здесь были развиты характерные для марксистской традиции положения о решающем влиянии социально-экономических факторов на развитие семьи, семье как «ячейке» общества, господстве в капиталистическом обществе семейных отношений, основанных на эксплуатации членов домохозяйства его главой, и «загнивании» семейных отношений при капитализме.

Частью большевистской элиты прямо ставилась задача формирования «новой семьи». Так, например, А.М. Коллонтай утверждала, что «общество должно научиться признавать все формы брачного общения, какие бы непривычные контуры они ни имели, при двух условиях: чтобы они не наносили ущерба расе и не определялись гнетом экономического фактора»⁹. Подобные установки определяли резко негативное отношение к «буржуазной семье» и относительно слабую проработку вопроса о семье будущего. Дело в том, что в 1920-е гг. довольно широкое хождение имели утопические представления об отмирании семьи при социализме. Например, социолог, академик С.Я. Вольфсон, специалист по семье и браку, утверждая, что социализм несёт с собою отмирание семьи, фактически выражал настроение многих «социальных инженеров» тех лет.

Впрочем, столь радикальные взгляды на брак и семью не стали официальной господствующей семейной идеологией и политикой. Руководство страны, выступая за сохранение семьи как социального института, рассматривало семейные отношения как общественное и государственное дело. Дискуссия в 1926 г. в связи с принятием «Кодекса законов о браке, семье и опеке» на десятилетия сделала господствующей точку зрения необходимости трансформации семьи в интересах государства, но не о ликвидации семьи как общественного института.

В «семеведении» 1930-х гг. вопрос о семье и браке переместился преимущественно в область правоведения. Кроме того, в историографии в связи с декларацией «победы социализма в СССР» обозначилось ещё одно устойчивое направление – противопоставление семьи и брака при капитализме и социализме. В послевоенный период эта проблема стала разрабатываться в контексте взаимоувязанных понятий «советская семья» и «социалистический образ жизни». В результате в научной литературе утвердился ряд мифов: о деградации буржуазного брака в противовес расцвету социалистической семьи; представление брака при капитализме в качестве модификации товарно-денежных отношений; резкое противопоставление функций семьи при капитализме и социализме и т.п.

На разработку семейной истории в 1960–1980-е гг. повлиял ряд факторов идеологического (вывод XXI Съезда КПСС о полной и окончательной победе в СССР, решение XXII партийного Съезда о построении коммунизма в стране к 1980-м гг., концепция «развитого социализма»), внешнеполитического (холодная

⁸ См.: Сорокин П. Кризис современной семьи // Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни. 1916. № 2–3.

⁹ Коллонтай А.М. Любовь и новая мораль // Философия любви. М., 1990. Ч. 2: Антология любви. С. 332–333.

война) и социального характера (в частности, развитие жилищного строительства). Показательно, что в связи с программной установкой КПСС об отмирании хозяйственно-экономической функции семьи при коммунизме, произошло оживление многих утопических представлений, в том числе и периода 1920-х гг.¹⁰

Тогда как в западной историографии рост интереса к истории семьи стимулировался, прежде всего, сексуальной революцией, способствовавшей трансформации семейных отношений и разрушению семейных ценностей. С другой стороны, оживлению семейной истории способствовали американские феминистки, под влиянием которых историки впервые начали исследовать модели сексуального поведения, как в браке, так и вне брака. Кроме того, активизация исследований по истории семьи на Западе в 1960-е гг. совпала с формированием нового междисциплинарного подхода в рамках школы «Анналов». «Новая научная истории» дала жизнь многим новым темам, включая историю семьи. Более того, последняя стала неотъемлемой частью «новой социальной истории». О начале обособления истории семьи можно говорить с публикации книги Ф. Арьеса «Ребёнок и семейная жизнь при старом порядке» (1960 г.), в которой автор по-новому взглянул на историю детства и семьи в исторической перспективе. Тогда как о выделении её в особую область в 1970-е гг. свидетельствуют данные Л. Стоуна о численности публикаций по истории семьи за период с 1920-х по 1970-е г.¹¹

Если первоначально история семьи сосредотачивалась на истории домохозяйства и демографических изменениях внутри него, то со второй половины 1970-х гг. проблематика исследований расширилась за счёт вопросов внутрисемейных отношений и взаимосвязи между нуклеарной семьёй и более широкой родственной группой. Во второй половине 1980-х гг. семейная история стала приобретать комплексный характер, то есть брак стал рассматриваться как процесс формирования семьи, а деторождение и воспитание детей – как процесс внутренней её перестройки, старение и смерть её членов – в качестве особой стадии развития семьи. Одновременно развернулось исследование выбора членами семьи «стратегии» поведения, принятия тех или иных решений, для чего пришлось обратиться к анализу господствующих культурных ценностей и представлений. В итоге семья предстала как своеобразный перекресток социальных, экономических, политических и собственно демографических процессов. Более того, и сама она рассматривается как некий «процесс»¹².

В зарубежной русистике 1970–1990-х гг. были подняты вопросы внутрисемейных отношений, брачно-семейных моделей различных социальных групп российского общества, численности и структуры семьи, положения женщин и детей в семье, семейного права, семейной идеологии и т. п.¹³ При этом осмысление эволюции семьи происходило в контексте путей исторического развития России и Запада и прежде всего процесса модернизации.

¹⁰ URL: http://bestdisser.com/see/dis_187703.html

¹¹ См.: Гончаров Ю.М. Городская семья Сибири второй половины XIX – начала XX вв.: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Томск, 2003.

¹² Hareven T. The Family is Process: The Historical Study of the Family Circle // Journal of Social History. 1974. № 7. P. 95–97.

¹³ См.: The Family in Imperial Russia. Urbana; Chicago; London, 1976; Rudolph R.L. Family Structure and Proto-Industrialization in Russia // The Journal of Economic History. Vol. 40. 1980; Engel B.A. Between the Fields and the City. Women, Work and Family in Russia, 1861–1914. Cambridge, 1994; Wagner W.G. Marriage, Property, and Law in Late Imperial Russia. Oxford, 1994., и др.

Пик изучения родственных связей пришелся на 1980-е гг. Большинство исследований при этом были посвящены сельским областям, особенно в преиндустриальный период. Для России традиционно изучалась тесно связанная с наследованием система сельских родственных связей до начала XX в., тогда как в отношении городских семей более изученным оставался индустриальный период конца XIX – начала XX в. М. Андерсон и Т. Харевен продемонстрировали, что родственные связи сыграли центральную роль в организации миграций из сельской местности в города и сильно облегчали адаптацию к новой среде. В то же время именно на родственниках лежал процесс социализации вновь прибывших¹⁴. Родственные связи были также самым эффективным средством, используемым во взаимодействии с локальными институтами при преодолении общественных кризисов.

В 1990-е гг. новый всплеск интереса к истории семьи был «спровоцирован» женскими и гендерными исследованиями. В работах этого направления затрагивались многие проблемы брачно-семейных отношений, в том числе и в историческом аспекте. Кроме того, проблемы семейной структуры и демографических процессов затрагивались в рамках исторической информатики¹⁵.

Важной составляющей семейной истории были и остаются активные методологические поиски. Американский исследователь Тамара Харевен выделила следующие аспекты истории семьи: родство, «жизненный путь», семейные стратегии, влияние семьи на процесс социальных изменений. Сюда можно добавить гендерные аспекты истории семьи, а также кросс-культурный и межнациональный компонент. Однако на основы семейной истории в наибольшей степени повлияла концепция «жизненного пути»¹⁶, заставившая учёных перейти от простого анализа различных сфер жизни семьи к более глубокой интерпретации семейных изменений. Подход с точки зрения жизненного пути сдвинул акценты на исследование жизненных переходов индивида и семьи, определяемых как изменениями в семейном статусе и сопутствующих ему ролях, так и возрастными структурами: поступление и окончание школы, начало и конец работы, миграции, уход и возвращение домой, браки и обустройство своего домохозяйства, выращивание детей, переход в категорию дедушек и бабушек и т. д.

Пионерами этого направления стали японский историк Мориока и канадцы Ландри и Легаре. В отечественной историографии метод «жизненного пути» описан И.С. Коном¹⁷, а исторический обзор этого метода дал Ю.Л. Бессмертных¹⁸. Мартина Сегален отмечала, что метод «жизненного пути» плохо подходит для анализа крестьянских семей, в которых выбор контролировался старшим поколением, а профессиональный путь протекал внутри домохозяйства и контролировался общиной. Тем не менее, этот метод оказался весьма эффективным для изучения крестьянской общины, поскольку показывал, как жизненные переходы располага-

¹⁴ Муравьёва М.Г. История брака и семьи: западный опыт и отечественная историография // Семья в ракурсе социального знания. Барнаул, 2001. С. 8–9.

¹⁵ См., например: Русина Ю.А., Мазур Л.Н. История семьи: перспективы исследования // ИБ АИК. 1997. № 21. М., 1997. С. 88–90; Антонов Д.Н., Антонова И.А. Восстановление истории семей и компьютер // Компьютер и историческая демография. Барнаул, 2000. С. 107–136.

¹⁶ Если семейный цикл связан с семьёй, то понятие жизненного пути относится к индивиду.

¹⁷ Кон И.С. Ребёнок и общество. М., 1998. С. 74–79.

¹⁸ Бессмертных Ю.Л. Новая демографическая история // Одиссей. 1994. № 1. С. 252–254.

лись во времени в условиях жёсткого контроля со стороны коллектива, и как индивиды уклонялись от этого контроля.

Проблема семейных стратегий была поднята в 1970-е гг. П. Бурдые, показавшим, что именно стратегии семейного поведения являются основным пунктом в процессе принятия решений, касающихся семьи¹⁹. Действительно, изучение семейных стратегий позволяет понять взаимодействие, с одной стороны, между социально-экономическими конструктами и внешними культурными ценностями в обществе, которые заставляют делать определённый выбор, а, с другой стороны, эксплицировать ценности, принятые в семейном кругу. Семейные стратегии ведут к расширению сотрудничества или, наоборот, возникновению и усилению конфликта между семьёй и такими институтами, как школа и церковь. Так как каждый из членов семьи может иметь свою собственную стратегию, центральным вопросом остается изучение процессов принятия решений внутри семьи и механизма реализации последних членами семьи. В числе прочего, изучение семейных стратегий предполагает изучение конфликтов в семье.

При этом не всегда методологическую тональность задавали зарубежные учёные. Так, Н.А. Миненко впервые среди российских исследователей отметила, что реконструкция семейного быта предполагает рассмотрение структуры, численности и функций семьи, хозяйственного строя, взаимоотношений с другими группами и институтами, закономерностей развития, семейной обрядности и семейного права²⁰. Примером возможности использования модернизационной теории при изучении истории семьи могут служить обобщающие работы А.Г. Вишневого и Б.Н. Миронова²¹. Однако «создание собственной методологической базы изучения брака и семьи в исторической перспективе»²² и сегодня остаётся задачей дня. В последние годы появились исследования, в которых делаются обобщения на макроисторическом уровне. В частности, были построены определённые модели семейного развития и предприняты попытки интегрирования последних в общий контекст социальных изменений²³. Однако до сих пор исследования семьи в российской историографии носят преимущественно описательный (этнографический) характер. Кроме того, в отечественной историографии нередко подменяются термины «семья» и «домохозяйство». Малоизученной сферой семейной жизни остаётся область пересечения семейного менталитета с индивидуальным мировосприятием.

Главным достижением истории семьи сегодня является то, что в историческое исследование была введена жизнь обычных людей, что позволило изучать повседневный опыт и повседневные практики простого человека. В свою очередь это стимулировало существенное приращение источниковой базы за счёт ранее не привлекавшихся документов – демографических данных, завещаний, художественных произведений, фотографий, бытовых предметов и семейных легенд. Попытки связать жизнь в «мелком масштабе» с крупными структурными изменения-

¹⁹ См.: Бурдые П. Практический смысл. СПб., 2001.

²⁰ Миненко Н.А. Городская семья Западной Сибири на рубеже XVII–XVIII вв. // История городов Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1977. С. 175.

²¹ Вишевский А.Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М., 1998; Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII–начало XX в.). СПб., 1999. Т. 1–2.

²² Муравьёва М.Г. Указ. соч. С. 5.

²³ См.: Миронов Б.Н. Социальная история России. Т. 1. С. 219–229; Леценко В.Ю. Семья и русское православие (XI–XIX вв.). СПб., 1999. С. 39–40.

ми обеспечили не только недостающее звено для понимания взаимоотношений между людьми и социальными трансформациями, но и привели к пересмотру интерпретаций темпов развития и значений «крупных» процессов. Например, исторические данные о семейном поведении позволили М. Андерсон и Т. Харевен пересмотреть существующие объяснения процессов индустриализации и урбанизации, поставили под сомнение ряд выводов модернизационной теории и привели к отказу от линейных интерпретаций процесса социальных изменений²⁴.

Представителями «новой научной истории» (П. Ласлетт, Д. Хелихи, Е. Ригли и Р. Скофилд) был сделан важный вывод, что индустриализация не являлась основной причиной рождения семьи нового типа, так как планирование семьи, поздний возраст вступления в брак, нуклеарная структура домохозяйства существовали задолго до начала процесса индустриализации. Историки и социологи уже к середине 1980-х гг. пришли к соглашению, что индустриализация сама по себе не являлась причиной разрушения традиционной семьи и миграция в города, а урбанизация не разрушала традиционные семейные связи. Если в 1960-е гг. тезис У. Гуда о том, что семья была активным агентом в процессе индустриализации, принимали в штыки, то уже в 1980-е гг. это не вызывало сомнения. Более того, выяснилось, что нуклеарная семья (состоящая из родителей и детей) не являлась наиболее адаптивным семейным типом. С этими функциями лучше справлялась расширенная семья, чья система родственных связей больше совпадала с индустриальной системой найма. С другой стороны, индустриализация повлияла на семейные функции и ценности и внутрисемейные трансформации: переход от традиционных семейных функций к другим социальным институтам, превращение домохозяйства из места производства в место потребления, утверждение выхаживания детей в качестве главной цели семьи, повышение интимности и приватности семейных отношений. При этом открытым остался вопрос о том, какое влияние оказали эти процессы на качество семейных отношений. Так, Ф. Арьес полагал, что эти изменения ослабили адаптивные качества семьи и лишили детей возможности расти «на улице», где они могли попробовать различные социальные роли²⁵.

Семья – это маленькое зеркало большого общества. Применительно к советской истории важно понять, как в ней распределялись роли, насколько авторитарными были отношения между родителями и детьми. Возникает вопрос, какое место в советской семье отводилось женщине, когда она оказывалась в центре семьи в те периоды семейного цикла, когда мужа находились в тюрьме или лагере, в армии или на войне? Показательно и то, как складывались отношения в семье после их возвращения. Какова была роль улицы в воспитании детей? Как влияли на семейные стратегии принудительные миграции (раскулачивание, угон в Германию и депортации) и, наоборот, какие факторы влияли на семейные миграционные стратегии, заставляя вербоваться на стройки первых пятилеток и т. п.?

Увеличение в последние годы числа исследований по истории семьи доказывает важность этого института в социальной жизни общества. Три прошедшие в 2006–2008 гг. конференции по истории семьи можно рассматривать как некий результат складывания проблемного поля семейной истории, охватывающего семейные ценности и семейное право, культуру и быт, национальные и конфессиональные особенности семейно-брачной сферы. Сложившуюся ситуацию с затянув-

²⁴ Муравьёва М.Г. Указ. соч. С. 5–7.

²⁵ Там же. С. 18–22.

шимся организационным и институциональным оформлением данного междисциплинарного оформления вполне адекватно описывает разработанная Р. Коллинзом глобальная теория интеллектуального изменения. Согласно этой теории роль фильтра при проталкивании научных теорий «к вершинным рангам» играют интеллектуальные сети, основанные на личных знакомствах или коммуникациях. Применительно к семейной истории речь идёт о том, что окончательному складыванию этого научного направления препятствует междисциплинарная (и в силу этого организационная) раздробленность исследователей.

Литература:

- Engel B.A.* Between the Fields and the City. Women, Work and Family in Russia, 1861–1914. Cambridge, 1994.
- Hareven T.* The Family is Process: The Historical Study of the Family Circle // *Journal of Social History*. 1974. № 7.
- Rudolph R.L.* Family Structure and Proto-Industrialization in Russia // *The Journal of Economic History*. Vol. 40. 1980.
- Wagner W.G.* Marriage, Property, and Law in Late Imperial Russia. Oxford, 1994.
- Антонов Д.Н., Антонова И.А.* Восстановление истории семей и компьютер // Компьютер и историческая демография. Барнаул, 2000.
- Бессмертных Ю.Л.* Новая демографическая история // *Одиссей*. 1994. № 1.
- Бурдые П.* Практический смысл. СПб., 2001.
- Вишневский А.Г.* Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М., 1998.
- Гончаров Ю.М.* Городская семья Сибири второй половины XIX–начала XX вв.: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Томск, 2003.
- Жирнова Г.В.* Брак и свадьба русских горожан в прошлом и настоящем. М., 1980.
- Коллонтай А.М.* Любовь и новая мораль // *Философия любви*. М., 1990. Ч. 2: Антология любви. С. 332–333.
- Кон И.С.* Ребёнок и общество. М., 1998.
- Леценко В.Ю.* Семья и русское православие (XI–XIX вв.). СПб., 1999.
- Миненко Н.А.* Городская семья Западной Сибири на рубеже XVII–XVIII вв. // *История городов Сибири досоветского периода*. Новосибирск, 1977.
- Миронов Б.Н.* Семья: нужно ли оглядываться в прошлое? // *В человеческом измерении*. М., 1989.
- Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII–начало XX в.). СПб., 1999. Т. 1–2.
- Муравьёва М.Г.* История брака и семьи: западный опыт и отечественная историография // *Семья в ракурсе социального знания*. Барнаул, 2001.
- Павлов А.А.* Римская античная familia в свете «новой социальной истории»: новые подходы современной западной историографии (обзор) // *Гендерная теория и историческое знание: Материалы семинаров*. Сыктывкар, 2004.
- Рабинович М.Г.* Очерки этнографии русского феодального города. М., 1978.
- Русина Ю.А., Мазур Л.Н.* История семьи: перспективы исследования // *ИБ АИК*. 1997. № 21. М., 1997.
- Сорокин П.* Кризис современной семьи // *Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни*. 1916. № 2–3.

I.B. Orlov

«FAMILY HISTORY: FROM THE HISTORY OF HOUSEHOLD TO INTERFAMILY RELATIONSHIP ISSUES»

Summary

The article talks about the meaning of family in a life of a society in general and of Russian society in particular. Viewed as a certain kind of microcosm, the family appears as distinctive crossroads of social, economic, political and expressly demographic processes. Moreover, family in itself is analyzed as a certain “process”. A conclusion is drawn that final formation of family science as a scientific field would be much assisted by overcoming interdisciplinary and organizational differences of the researchers.

Keywords: family history, household, life journey, marriage, family strategies
